

МАРИС ЛИЕПА

Я ХОЧУ ТАНЦЕВАТЬ СТО ЛЕТ

Марис Эдуардович Лиєпа

Я хочу танцевать сто лет

Серия «Большое искусство. Персоны и биографии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74516826

Я хочу танцевать сто лет / Марис Лиєпа: АСТ: ОГИЗ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-187298-4

Аннотация

Книга воспоминаний Мариса Эдуардовича Лиєпа – блистательного артиста балета, педагога, народного артиста СССР – опубликована к 90-летию со дня его рождения.

Нашему отцу Марису Лиєпе в 2026 году исполняется 90 лет (ему было 52, когда он ушел), а его личность не только не тускнеет с годами, а наоборот, раскрывается все новыми гранями. Сколько за это время мы услышали теплых воспоминаний, новых историй из жизни отца. А сколько мы получили от него приветов! Именно так, не удивляйтесь! Он продолжает присылать нам «телеграммы».

Мы точно знаем – это он! И говорим тогда: «Папуля! Спасибо».

Эта книга – книга его жизни! Наша благодарность издательству АСТ за этот подарок нам и всем читателям. В этой книге Свет Его звезды.

Андрис и Илзе Лиена

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	8
Я хочу танцевать сто лет	12
Краткое предисловие	12
О двух марисах, с которых все началось	14
Об азбуке	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марис Лиела

Я хочу танцевать сто лет

Серия «Большое искусство. Персоны и биографии»

Издательство благодарит Андриса и Илзе Лиела за предоставленные фотографии из семейного архива.

Фотография на обложке – кадр из фильма «Спартак»,
реж. Вадим Дербенев, Юрий Григорович
© Киноконцерн «Мосфильм», 1977 год.

© Лиёпа М.Э., наследники, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

Вступление

...Всю жизнь для меня было загадкой: талант дается Богом как награда или как испытание? И думается мне: все, что ведет человека к творчеству, – это награда, но вся жизнь – испытание. Испытания и потери. С нашего рождения и до последних дней мы теряем. Теряем иллюзии, теряем друзей, теряем молодость, теряем близких. Возможно, сейчас из всех чувств, обращенных к отцу, самое сильное – это мука оттого, что я не успела ему что-то сказать, что-то сделать для него...

26 марта 1989 года – день, когда его не стало, – позади, а жизнь идет вперед. Но есть моменты, которые повторяются время от времени. Когда стрелки часов перейдут за полночь, наконец замолчит телефон, в доме, который он так любил, наступит тишина и я, сидя у его портрета, еще и еще раз мысленно произнесу: «Если бы ты знал, как ты мне сейчас нужен...»

Суровые испытания учат нас ценить добро, внимание, любовь; горько сожалеть о том, что мы не дали, просто не успели дать...

Возможно, сейчас, все больше отдаляясь от тех мартовских дней, я идеализирую отца и мои отношения с ним. Но мне кажется, что время все расставляет по своим местам.

Жизнь балетного артиста так коротка. И даже вслед за блистательным взлетом слишком быстро – стоит лишь оста-

вить сцену – наступают тишина и забвение.

Мне кажется, то, что личность моего отца не просто продолжает привлекать внимание, а вырастает в перспективе лет, – говорит об истинности его таланта. Он действительно был артист каждой клеточкой своего существа. Своими стремлениями, мечтами отдавался творчеству, которое было смыслом его жизни, и сгорал...

Отец неотделим от Времени и Системы, в которой он жил. И я считаю эту Систему виновной в трагичности многих судеб того поколения, потому что она оказывалась безбожной!

Талант, данный Богом, без стержня Веры, на который надо опираться, становится огнем, сжигающим жизнь.

Когда мы собирали воспоминания об отце для этой книги, я впервые так отчетливо поняла, насколько он был трагически одинок. Одинок в творчестве, одинок как мужчина, одинок как человек. Образ блистательного артиста, уверенного в себе, иногда холодноватого и надменного или покоряющего своей широтой, знающего вкус успеха и стремящегося к нему любой ценой, – это только одна сторона его личности. Потому что на самом деле он был ранимым, сомневающимся, во многом наивным, сентиментальным и трогательно заботливым. В нем будто соединялось много разных людей. Только не было рядом с ним искренне любящего человека, способного поддержать и дать возможность не бояться быть слабым.

Особенно близки мы стали в самое тяжелое для нас обо-

их время. Я, окончив хореографическое училище, *все еще* не была в Большом театре. А отец фактически *уже* в этом театре не был. И я могла попасть в балетную труппу только ценой его ухода. Поразительно безнравственная ситуация, в которой мы избегали смотреть в глаза друг другу и оба бесконечно страдали. Как-то встретились с ним за кулисами театра. Остановились в полутемном проходе. Мы опасались быть многословными, потому что тогда бы ему пришлось спросить меня: «Ты хочешь, чтобы я ушел?...» Отец взял меня за руки, мы долго говорили молча, потом он сказал уже вслух: «Держись, маленький, надо держаться. Вспомни, через сколько лет я попал в Большой театр, а сейчас мне тоже очень трудно...»

Если бы ты знал...

И другое, «наше», наоборот, самое радостное время. Месяц в Серебряном Бору, в крохотной комнатке. Мне не хотелось оставлять его ради своих сверстников, потому что около него было поразительно хорошо! Для отца, видимо, это тоже было время внутреннего покоя. Ночью мы перелезали через забор и ходили к реке смотреть на луну и читать стихи. А потом хохотали до упаду так, как я не смеялась ни с кем и никогда.

Если бы ты знал...

Как-то отец сказал мне: «Напиши когда-нибудь обо мне». Наверное, просто душой он знал, что всегда будет жить в моем сердце таким, каким ему хотелось быть...

Я бесконечно признательна всем, кто помнит и любит моего отца. И я благодарю Бога за то, что Он посылает мне людей, которые помогают сохранить память об отце. Когда уходит артист, остаются созданные им роли. Мы сохраняем их в нашей памяти. А человек остается в наших сердцах – мы с братом думаем о нем, и мы о нем молимся...

Илзе Лиена

Я хочу танцевать сто лет

Краткое предисловие

Книга Мариса Лиепы «Я хочу танцевать сто лет» вышла в Риге в 1981 году в издательстве «Лиесма» тиражом 30 000 экз., а ее сокращенный вариант появился в литературном журнале «Карогс» в 1980 году (№ 4–5) ¹.

И книга, и журнал разошлись моментально. Работа над книгой велась в Риге и Москве в течение 1979–1980 годов, и при тогдашней цензуре Главлита многие откровенные высказывания Мариса Лиепы о балете и жизни изымались из рукописи и даже из верстки. В данном переводе купюры восстановлены, а правки «идеологического порядка» ликвидированы. Тем не менее общее настроение книги, атмосфера тех лет, стиль жизни той поры сохранены. Марис Лиэпа находился на взлете (который, к сожалению, оказался последним), был полон энергии и радужных планов на будущее. Оттого и возник столь оптимистичный заголовок книги – «Я хочу танцевать сто лет». Заголовок, в марте 1989 года вдруг обретший трагическое звучание. Как эпилог к книге Мари-

¹ Адаптированный перевод на английский вышел в журнале *Soviet literature* в 1981 г.

са Лиепы здесь добавлен перевод эссе из моей книги «Ночь с прима-балериной», в котором рассказывается о последних годах жизни великого танцовщика. Эссе заканчивается приездом Мариса в свой родной город за несколько месяцев до скоропостижной смерти...

Эрик Тивумс

(автор литературной записи и переводчик на русский язык книги «Я хочу танцевать сто лет» и книги «Ночь с прима-балериной»)

О двух марисах, с которых все началось

*Искусство заключается в умении скрыть
искусство.*

НОВЕР²

...Я сижу в квартире, расположенной в доме на улице Неждановой, где в свое время жила знаменитая Екатерина Гельцер, прима Большого театра, любимица балетной публики двух миров – и дореволюционного, и послереволюционного. Первая из балерин – народная артистка Республики...

Тишина. С огромного полотна на меня надменно взирает Красс, и умиротворенно смотрят святые со старинных икон. Жена в театре, дети в школе, в Большом – выходной. Наконец-то могу побыть один, ничего не делать, могу поговорить сам с собой...

...Меня часто спрашивают: «Какой вы, Марис? Кто вы на самом деле?»

В одном интервью я уже сказал: «Между тем Марисом, который, помахивая портфельчиком, шел в школу в Риге, и тем, который сегодня подъезжает к Большому театру на “гремлин” или “вольво”, – нет никакой разницы. Абсолютно

² Здесь и далее приводятся цитаты из книги Жана Жоржа Новера «Письма о танце и балетах» (М., 1965).

никакой! Они оба стоят на той же проклятой потной земле, и для них обоих путеводной звездой является зашифрованное обещание, записанное в дневнике мальчишеской рукой: “Я буду танцевать Принца Зигфрида!”».

Они исполнили свое обещание. Они намерены это делать и впредь.

Но пружиной действия было, есть и будет совсем другое. Вечное стремление перебороть себя.

Рядом с Марисом, сентиментально и страстно влюбленным в балет, который говорит себе: «Как это прекрасно, поэтично, чудно!» – постоянно находится другой, который возражает: «Это сплошное насилие над собой. И ты все еще желаешь этого?!» Марису, щеголяющему на иномарках (первый в театре!) и привыкшему на званых обедах слушать комплименты от поклонниц и поклонников («Марис, какой вы гениальный!»), – ехидно нашептывает второй: «Ты, артистик, как противно ты станцевал последнего “Спартака”! Теперь ты должен сбросить за два дня четыре кило жира!» С Марисом, собирающим иконы, античные инталии и камеи, любящим подводное плавание, шик, шампанское, остроумные «мальчишники» в Сандуновских банях по четвергам, – всегда рядом тот, которому для подобных удовольствий не хватает времени, денег, настроения, сил... Только балет, балет...

Рядом, вечно рядом со спешащим, злым, гордым – тот, который любит покой, тишину, который не стыдится слез и

умеет быть нежным...

А еще бывает ироничным к себе и к другим, высокомерным, капризным, черствым...

Кто живет в этом человеке? – Не спрашивайте!

Спросите лучше другое: кто из этих двух настоящий? Ибо для него самого подобный вопрос все еще кажется очень трудным...

Об азбуке

Каждый, кто намерен посвятить себя искусству танца, должен прежде всего... тщательно взвесить все достоинства и недостатки своего телосложения. ...Если же недостатки эти могут быть исправлены с помощью прилежания, непрерывных упражнений, а также советов и наставлений умного, просвещенного учителя, ему не следует пренебрегать ни одним из средств, могущих способствовать устранению этих недостатков.

НОВЕР

Не я первый жалуясь, что в наши дни люди разучились писать письма. Это, возможно, болезнь XX века. Дело не в том, что тебе не хватает времени, скорее – не хватает желания, терпения, усидчивости. Ведь письмо – не телефонный звонок, минутная встреча на улице или бездумные посиделки на пирушке. Это что-то тонкое, интимное, серьезное или шуточное, но всегда – настоящее: частица тебя. Письмо сохраняет тебя надолго...

Больше двадцати лет я регулярно переписывался со своей матерью. Было время – писал ежедневно. Сегодня, глядя на два чемодана, наполненные ее письмами, мысленно перечитываю самые первые, в которых ни она, ни я еще не предполагали, о чем сможем писать друг другу долгие годы...

Возможно, она уже тогда знала, материнской мудростью предвидела, что все мои мечты сбудутся. Наверное, так и было. И как бы исподволь все время тихо помогала советами: иногда вроде бы мелкими, повседневными... Помогала мне, ушедшему в самостоятельную жизнь, как Буратино – с «Азбукой» в руках...

Когда журналисты спрашивают: «Что вы взяли с собой в дорогу из дома, из Риги?» – отвечаю одним словом: «Азбуку». Тот минимум, то зерно, без которого никакое начинание невозможно.

В этой моей «Азбуке» – не буквы, а вроде бы целые слова, понятия. И первое из них – Мама. Я всю жизнь был маминым сыном, между нами всегда было абсолютное понимание. Себя же в раннем детстве вспоминаю только по ее рассказам. И то, как любил дразнить доброго ангела нашей семьи тетю Гриету, ходившую со мной гулять по близлежащему Зиедоньдарзу – Весеннему саду, и как я убегал от нее и прятался в темных закоулках Красноармейской улицы, которую она всегда называла по старинке – Рыцарской... И как обожал чай из ромашки, а потом, подрастая, – ячменную кашу... И разные мои проделки и шалости... И первые музыкальные впечатления... Мама многократно рассказывала (а теперь мне уже кажется, что и сам до глубочайших мелочей помню), как впервые в филармонии я слушал Первый фортепьянный концерт Чайковского. И до сих пор слушаю это сочинение – как и тогда, в четырехлетнем возрасте, – с за-

стывшим сердцем, дрожью, с ожиданием чего-то невероятно прекрасного, что захватит тебя и унесет...

В нашей семье любили музыку, театр, живопись. И несмотря на то что родителям часто приходилось исполнять весьма прозаические обязанности служащих (особенно хозяйственной и деловой была мама), искусство всегда оказывалось главной темой разговоров, споров, всеобщего интереса. Латыши по сути своей, хотя и земледельческий народ, выходцы из деревни, «мужики», в душе – очень поэтичны. Отец в свое время пел в хоре Национальной оперы, потом работал мастером сцены, мама же увлекалась балетом, бегала на все балетные спектакли. Среди друзей и знакомых нашей семьи было немало артистов. Лишь теперь по-настоящему понимаю, что такова особенность не только нашей семьи, но, наверное, и всех рижан, стремящихся часто бывать в опере, театрах, на концертах, учить своих детей музыке, танцу, пению... «Театральный дух» буквально витает над Ригой. Тридцатитысячный сводный хор на Праздниках песни, десять тысяч танцоров, одновременно пляшущих на зеленом ковре стадиона «Даугава», – где еще можно увидеть такое?! Кто с детства не научится смотреть и слушать, никогда не станет по-настоящему большим артистом.

В хоре мальчиков при Латвийском театре оперы и балета, куда меня отдали родители, я чувствовал себя прекрасно. Выступления в спектаклях мне всегда очень нравились. И когда друг отца Болеслав Милевич (бывший танцовщик,

а затем завуч Рижского хореографического училища) как-то вечером, посмотрев на меня, сказал отцу: «Слушай, Эдис, он у вас какой-то мелковатый! Отдай его осенью к нам в балетную школу – станет сильным и ловким», – то перспектива занятий балетом меня ничуть не обрадовала.

И после первых же уроков, в один прекрасный день я спокойно прогулял очередные занятия, пришел домой и объявил маме: «Мне этот ваш балет поперек горла стоит! Не пойду туда больше, и всё!»

Уже не помню, как мама уговорила меня не бросать учебу (наверное, помогло то, что я верил ей, как никому). И со временем я начал привыкать к обязательным упражнениям в балетном классе, хотя занятия спортом казались тогда намного интереснее. Футбол, велогонки, лыжи, особенно плавание. Ведь я тоже принадлежал к поколению мальчишек, которым не давали покоя лавры Тарзана – великого пловца Джонни Вейсмюллера. В ту пору я был похож на лягушонка – тонкие ноги, длинные большие ступни. После первых успехов в плавании ощутил радость оттого, что некоторые вещи удаются мне лучше, чем парням постарше. И постепенно из лягушонка я превратился в спортивного, довольно крепкого юношу.

Конечно, это случилось не по мановению волшебной палочки.

Впервые чемпионом Латвии по плаванию вольным стилем на средних дистанциях я стал в 1954 году и удерживал этот

титул в течение еще двух лет.

С занятиями балетом происходило нечто похожее.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов наметился новый подъем Рижского балета. Ведь в конце войны целая плеяда самых талантливых звезд, а также замечательные балетмейстеры и педагоги эмигрировали. Среди них – главный балетмейстер Освальд Леманис, которого еще в 1940 году, во время своего приезда в Ригу, заметил и очень высоко оценил Алексей Ермолаев; уехал превосходный педагог Гарри Плудис, названный в книге Марго Фонтейн ее чудеснейшим учителем, уехали и многие другие. В труппе, уже с 1935 года блиставшей на гастролях в Швеции, Финляндии, Голландии, Польше, Венгрии, осталась от силы треть танцовщиков. Но в подобной ситуации была и своя положительная сторона – молодежи доверяли, и она из кожи вон лезла, чтобы стать наравне с оставшимися солистами.

Я еще был подростком, но уже почувствовал себя артистом, осознал, что стремлюсь к большему. Каждый день заставлял себя делать что-то новое, более трудное, чем выполнял вчера. Например, делал 50, 60, 80, потом –100 релеве... 50, 60, 70 раз одной рукой выжимал тяжелый школьный портфель, затем то же самое – другой рукой... Догонял троллейбус, который отъезжал уже на половину остановки... Проплывал вместо двух – три или четыре километра... И так далее...

Во время весенних школьных каникул 1950 года я впер-

вые отправился в Москву вместе с юными ученицами Интой Каруле, Галиной Ждановой, Людой Тураевой. На Всесоюзном смотре младших классов хореографических училищ мы танцевали четыре номера. Три из них попали в последний тур, а я участвовал в двух финальных показах.

Если бы сейчас мой педагог Валентин Блинов велел мне станцевать его «Мазурку», я бы, наверное, это сделал с минимальными пометками: настолько запомнился тот первый, станцованный мною в Москве номер. Ведь во мне видели тогда характерного танцовщика. И хотя потом мы вместе с Интой и Галиной с не меньшим старанием показали знаменитое па де трау пастушков из «Щелкунчика», любимыми цветами моих костюмов после московского выступления остались голубой и белый: так одевался мой польский паненок в «Мазурке»...

Но участие в смотре стало знаменательным не только из-за первых успехов. Отнюдь нет!

Посмотрев в Большом и Музыкальном театрах балеты «Медный всадник», «Тщетная предосторожность», «Лола», я как-то необыкновенно ясно понял, что реально существуют понятия-эталоны: Уланова, Семенова, Мессерер, Московский балет, о которых на занятиях нам рассказывали педагоги, приехавшие в Ригу из знаменитых балетных метрополий, – Пальмира Зиедыня-Строганова, Владимир Цуканов, Валентин Блинов, Марина Сизова.

Это чувство сопричастности дало какой-то тайный им-

пульс для работы – работы с еще большей отдачей. Возникло желание стать сильнее, взрослее. Еще, еще...

Наш мужской класс казался весьма странным: здесь вместе занимались ученики разного возраста. Мне, скажем, было пятнадцать, а Альфреду Спуре и Удлису Жагате – уже далеко за двадцать, отставал я от них лет на пять – восемь. Они чуть ли не одноклассники с преподавателем, а я – мелочь пузатая, «крошка Марис», младенец, молокосос, суслик... Они – уже ухажеры, после уроков бегали на всякие вечеринки и другие «мероприятия для посвященных», ночью ремонтировали трамвайные пути, зарабатывая себе деньги, а меня – отсылали к мамочке...

Но я вечно путался у них под ногами: мне, конечно же, безумно интересно было узнать, «чем же пахнет» эта тайная «взрослая жизнь». Честь и хвала моим старшим товарищам – они часто брали меня с собой на именины и дни рождения, на Взморье, на прогулки на яхте. Брали часто, но все-таки всегда оставался страх – а вдруг не возьмут? Сердце чуть не переворачивалось от боли и унижения.

Сегодня я уже не считаю, что карьеру «большого артиста» начал в 1950 году. Просто ситуация в театре была такова, что тринадцатилетнему мальчику приходилось исполнять не только детские роли в детских балетах, но и выступать во взрослых партиях. В дневнике так и записано: «31 января – “Дон Кихот”, танцую сегидилью вместе с Мелитой Пало». А она старше меня лет на шесть-семь! Кого только не прихо-

дилось изображать! Я исполнял краковяк и мазурку в «Бахчисарайском фонтане», латышские танцы в балете «Лайма», танцевал «Яблочко» и Китайского кули в «Красном маке», Принца Фортюне, ищущего Золушку, и вальс в «Спящей красавице», Половецкого мальчика в «Князе Игоре», Страшилище в «Аленьком цветочке»... В «Ромео и Джульетте» получил целых четыре выхода – появлялся на сцене Другом Тибальда, Юношей, Слугой Монтекки, Шутом. А в испанском танце из «Лебединого озера» даже вышел в паре со своим учителем – Валентином Блиновым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.